

Кузнепов О.Н. (Ленинград),

Лебедев В.И. (Москва)

Семипалатинская любовь и тайна больной женской души
в творчестве Ф.М. Достоевского.

Раскрывая поэтически тайну человека, Ф.М. Достоевский одновременно вторгался в область психического здоровья, глубже и реалистичнее других писателей проникая в диалектику душевных болезней. Уже, опираясь на самоанализ своих "больных мыслей", им выявлены варианты развития пяти историй безумия (Голядкина, Ордынова, Шумкова, Ефимова, Прохарчина). Наблюдения омского острожного периода, явившиеся своеобразным "психиатрически-жизненным университетом", позволили Достоевскому в образах Ставрогина, Зерсилова, Ивана Карамазова, Смердякова, Кириллова, Мишкина и т.п. выявить такие особенности "мужской психопатологии", "которые привлекают пристальный интерес своей новизной не только литературоведов, писателей, но и психиатров. Однако, уже в повести "Хозяйка" наряду с психическими расстройствами Ордынова и Мурина, выделяется своеобразие душевой болезни глазной героини Катерини с её парадоксальной эмоциональностью, развоенность любовной страсти, смешением реалистического и мистико-фантастического в переживаниях. По гипотезе А.З. Живолуповой, выдвинутой в её сообщении на ХУ достоевских чтениях в г. Ленинграде в 1990 г., литературным первоисточником парадоксальных женских характеров Достоевского могут быть повести А.З. Дручинина. Но не меньшее значение, учтывая последующее развитие темы больной женской души в великом пятикинзии, по-видимому, имеет личные переживания, впечатления, писателя, развившего свою психологическую и психопатологическую наблюдательность в каторге и высот проникновения в чужую душу. Бенчины в жизни Достоевского, проанализи-

рорванные зорким взглядом писателя-психолога, любящего и страдающего мужчины, явились, на наш взгляд, одно из предпосылок его психолого-психиатрических откровений. Если роль неординарности Апподинарии Сусловой, как прототипа его геройни доста-
точно обсуждена, то загадка взаимоотношений с его первой же-
ниной, как источник художественно-психологических открытий, ос-
тается далеко еще не исчерпанной. Особенностям душевного склада Марии Дмитриевны Исаевой-Констант, вскрывшимся преимущественно в семипалатинский период жизни, посвящено настоящее сообщение.

Солдатом, бывшим каторжником, ощущившим начало освобожде-
ния, входит Достоевский в семипалатинский семейный дом Исае-
вых, где неожиданно встречает любовь очаровавшей его женщину,
окрутившей его при этом так давно отсутствующим для него до-
 машним уютом. В ней, казалось бы, совместившей привлекатель-
ность, тайну женственности А.Я. Панаевой, Н.Д. Фонвизиной,

Л.Е. Анненковой, обремененной семейными заботами, он впервые на свое восхищение и влюбленность встретил ответную любовь.
Нам представляются необоснованными попытки многих биографов ставить под сомнение любовь Марии Дмитриевны к Достоевскому, гиперболизировать ее меркантильность, искать причины ее хо-
лодности к нему в ее любви к другому. Заслуживают доверия сло-
ва писателя, написанные как итог раздумий умудренного опытом
жизни психолога после ее смерти: "Она любила меня беспредельно,
я любил ее тоже без меры, но мы были с ней несчастны! Страст-
ный, мятельный, болезненно фантастический характер" будущей
жены вел к тому парадоксу, что "чем несчастнее" они были, тем
более привязывались друг к другу! Тайна близкой больной жен-
ской души, не способной быть счастье любящим ее и обреченной на
страдания, счастье которой мимолетно и сменяется отчаянием и
страхом, с 1854 по 1864 г.г., не переставая, волнует Досто-
евского.

Сама любовь ее носит черты болезненности. Нет веских ос-
нований считать, что ее чувство к Достоевскому отличалось в
чем-то от ее отношений к Исаеву, или ничем не закончившейся
любви к молодому сопернику писателя Вергунову. Скорее всего
каждый раз она была "годовной", где любят не живого, а выдуман-
ного человека; непостоянной, с немотивированными спадами и
подъемами, зосторгами, сменяющимися отчаянием, противоречи-
стью течения любви. При этом именно ситуация двух соперников,
вялявших и в чем-то помогавших даже друг другу, для нее по-
чти обязательное парадоксальное условие пламенности, особого
обострения ее чувств. Некаром самими сильными, самыми неза-
сыпаемыми для Достоевского были минуты любви до отъезда Исае-
вых из Семипалатинска. Тогда как уже одовев, Мария Дмитриевна
"плакала, целовала его руки", несмотря на то, что она уже любит
другого, а Достоевский выясняет по ее просьбе отношение с со-
перником.

Сдвоигренно с проявлением, казалось бы, страстной, тре-
бовательной, ревнивой ее экстатической любви, Достоевский все
время ощущает ненадежность, неревалистичность, дефектность ее
чувств. Возникает постоянная потребность проверять подлинность
ее любви именно к нему, чрезвычайно с чрезторимой конкретной
душой, а не к выдуманному вместо него, реально несуществующе-
му лицу. Потребность эта у него особенно актуальна тогда, ког-
да после спада любви наступает вдруг ее подъем и, только каян-
шаяся ему в любви к другому, возлюбленная вновь говорит о воз-
вратившейся безумной любви к нему самому. В этом случае чрез-
важный судорожный приступ Достоевского (преимущественно по наим
данным чаде связанный с трудно разрешимыми психотравмирующими
ситуациями) сразу после свадьбы вполне вероятно преследовал
цель проверки истинности и глубины ее любви. Испытание не

выдержано — припадок не сблизил их, не вызвал ее сочувствие, а отдалил новобрачную от мужа, вызвав отчуждение.

Не раз уже и такими литературоведами-биографами, как Л.П. Гроссман, Марья Дмитриевна прежде всего из-за своей скротечной, смертельной чахотки (туберкулеза) рассматривалась как прообраз Катерины Ивановны Мармеладовой. Но, на наш взгляд, вторая Катерина Ивановна (Верховцева) из последнего романа великого писателя еще более сходна по болезни своей души с первой женой Достоевского. Клиническая характеристика выдающегося немецкого психиатра и психолога К. Леонгарда, относящаяся к этой героине: "Восторг и отчаяние находят ... выражение в самих поступках, в то время как при отсутствии волевой возбудимости чрезмерная экзальтированность чувств больше выражается в идеях и душевных переживаниях. У Катерины Ивановны активность прявилась лишь тогда, когда эмоциональное возбуждение достигло апогея, обычно же оно проявлялось больше в экзальтированности идей" — полностью может быть применена и к Марии Дмитриевне. В состоянии психоза "восторга — счастья" Леонгарда она то беспомощная и недоверчивая на фоне тревоги и страха винит себя и отибочно и интерпретативно, подчас иллюзорно, а иногда просто "ачтазируя мрачно-пессимистически, трактует события своей жизни, то доходя до кратковременного" "экзатического счастья" поднимает себя и любимого до недосягаемого "блаженства". Во многом такова была их семипалатинская любовь.

Показательно, что перепитии несчастной любви Достоевского с его первой женой, в основном, обсуждаются им в письмах к А.Е. Брангелью, свидетелем странной, несчастливой любви которого он был. Только сравнение с настоящей, беззаветной, смоотверженной, отдавшей все себя любовью Анны Григорьевны приводило Достоевского к художественной разгадке тайны бо-

лезни души своей первой жены. И не случайно страдания мечущейся между двумя мужчинами, не дающей счастья ни себе, ни им женщины он вновь изобразил в романе, посвященном Анне Григорьевне, как бы попробавшись перед смертью, одновременно, сострадая, и с памятью дорогого, любимого, принесшего и счастье и страдание, но не ставшего, по настоящему, близким человека. Настасья Филипповна, Лиза из "Бесов", Ахматова, в них также в той или иной степени отражена эта загадка. Но именно в Катерине Ивановне Верховцевой Достоевский наиболее "клинически" точно приблизился к разгадке больной женской души.

Болезни женской души, показанные и частично разгаданные Достоевским, оказались острыми современными в XX веке, где разрабатывались, литературно, Гамсуном, Скот-Тиглером, Леоновым, Дулинцевым и др., естественно по разному талантливо, художественно убедительно и ярко. Интересно, что К.С. Станиславский, переходя от неосуществленного им самим замысла инсценировки "Братьев Карамазовых" к постановке "Драмы жизни" Кнута Гамсuna, создает образ Терезиты Отерман, по мнению искусствоведа И. Соловьевой (1988г.), "по-достоевски", где сила смирения рождает " дух противоречия". Права И. Соловьева тогда, когда замечает, что к началу ХХ века тип женщины затягивающей и холодной, пустой до бездонности, измученность страсти которых "оплачивалась неподдельностью крови" появлялся в русских "светских салонах и спальнях". О.Л. Книппер в письме о работе над образом Терезиты Гамсун "перемежает" его "пересказом" двух странных и мачерных" испятнанных кровью, московских историй.

Трагическая и претенциозная барышня начала ХХ века, уловленная и предвосхищенная Достоевским, как попытка понять свою странную любовь с Марией Дмитриевной, а в Терезите Гамсун —

Станиславского - Книппер, главная черта которой "необычно склонные, меткие, рельефные и сильные переходы от одного настроения в другое" (полярное) нашла свое логическое завершение, развитие. Однако, в отличие от своих предшественниц у Достоевского, Терезита в одном из таких экстремально-полярных состояний идет хладнокровно на преступление (решается утопить сопернику вместе с кораблем, на котором та приезжает). Причем, слагая ответственность с человека, во имя которого она это делает (Карено), она как-бы берет на себя роль стихии, сульбы: "Я ее убью, а ты не виноват". Тем самым она становится близкой к Катерине Измайловой Н.С. Лескова, Ерене Л.Н. Толстого, Зине Железновой М. Горького, а не к больным душой женщинам Достоевского, прелюбопытствующим быть жертвой, почти сознательно идущей "на плаху" (Настасья Филипповна, Лиза Тушина и т.п.), но никогда не спускающихся до кровавых преступлений.

Загадка, почему Достоевский, в творчестве которого преступления одна из ведущих тем, оберегает своих, страдающих от невозможности дать и добиться счастья, героинь от покутования на жизнь человека, тогда как, казалось бы, значительно более далекие от анализа кровавых преступлений писатели создали запоминающиеся, высоко художественные образы сильных и преступных женщин, по-видимому достаточно сложна и недносочетана. Однако одна из гипотез может быть в том, что память о семипартизской любви к той, чью большую душу он вложил в образы женщин, несчастных от невозможности дать счастье другим, и его сохранившаяся любовь к ней, исключала возможность художественного развития их в сторону преступности.

ЛИТЕРАТУРНО - МЕМОРИАЛЬНЫЙ
МУЗЕЙ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО

ДОСТОЕВСКИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ

(МАТЕРИАЛЫ ДОСТОЕВСКИХ ЧТЕНИЙ)

СБОРНИК - 2

Семипалатинск
1992г.